

— первая среди лучших —

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой
Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори «Всегда»
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!

Шекспир мне друг, но истина
дороже
Вселенский заговор
Вечное свидание
Ждите неожиданного
Селфи с судьбой
Земное притяжение
Призрак Канта
Звезды и Лисы
Девчонки, я приехал!

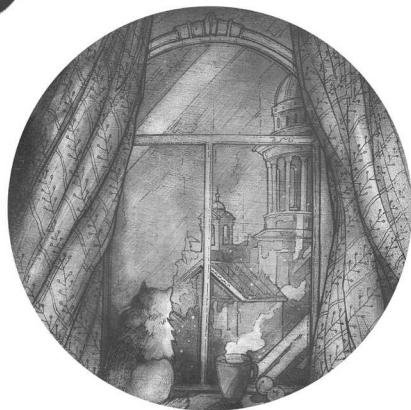
Сериал «Сценарии судьбы Тонечки Морозовой»

Серьга Артемиды
Пояс Ориона
Камея из Ватикана

Сериал «Писательница Маня Поливанова»

С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Судьба по книге перемен
Роковой подарок

ТАТЬЯНА
Устинова

Настоящее

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление *А. Харитоновой*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Настоящее : сборник рассказов / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190964-2

«Я пишу истории о любви, которая сама по себе и есть окончательная награда, если она не больная, не бешеная, не выматывающая душу. Иногда я придумываю к ней красивые декорации – дома, машины, лужайки, а иногда и декораций никаких не придумываю, полным-полно историй, где герои живут в панельных домах и работают, скажем, в больнице!.. Это вам так сгоряча кажется, что все они про золушек. Ничего подобного».

Татьяна Устинова

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190964-2

© Устинова Т.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ТРЕТИЙ ЧЕТВЕРГ НОЯБРЯ

Но в том еще беда, и, видно, неспроста,
Что не годятся мне другие поезда.
Мне нужен только тот, что мною был обжит.
Там мой настольный свет от скорости дрожит.
Там любят лечь — так лечь, а рубят —
так сплеча.
Там речь гудит, как печь, красна и горяча.
Мне нужен только он, азарт его и пыл.
Я знаю тот вагон. Я номер не забыл.

Ю. Левитанский.
«Сон об уходящем поезде»

Конечно, она его не узнала, столько лет прошло!..

А сколько лет прошло?

Два года, что ли?.. Или уже больше? Нет, конечно, больше, больше, три с лишним! Расставались в апреле, а нынче уже ноябрь, значит, выходит, три с половиной!

...И когда они пролетели, эти три с половиной года?! Как успели?

Конечно, она его узнала.

Если бы прошло триста лет — ну, даже с половиной, — она бы все равно его узнала.

Нет ничего глупее вопросов, чем те, которые люди задают друг другу триста лет спустя.

— Ой, я тебя и не узнала! Ты как?

— Нормально, а ты как?

— И я нормально.

— А зачем ты к нам?..

— По делам. А ты все здесь?..

— А где же мне еще быть?..

— Да мало ли где...

— Нет, я здесь. Меня повысили, так что...

Про повышение было сказано не без умысла.

Умысел пропал втуне. Он не обратил внимания. Он никогда не обращал внимания на такие вещи.

Она с головой нырнула в сумку — за пропуском. А на самом деле чтобы не таращиться на него во все глаза.

Он придержал перед ней дверь — чтобы она не стукнулась в нее лбом. А на самом деле чтобы не рассматривать ее так уж откровенно!..

В вестибюле стало еще хуже, чем на тротуаре.

Во-первых, потому что голоса разносились по всему огромному и тихому помещению, отдавались от мраморной плитки. Во-вторых, здесь никого не было, кроме охранников за конторкой и нескольких опоздавших, маявшихся возле стеклянной коробки скоростного лифта.

Лёка вынырнула из сумки. Пропуск зажат в руке, и вид растерянный.

Он вдруг рассердился из-за этого ее растерянного вида. В конце концов, столько лет прошло!.. И ничего же не происходит. Он не собирается не-

медленно тащить ее... в «свою пещеру», и вообще никуда тащить ее не собирается!

Он рассердился и немедленно сказал глупость:

— Ну, пока! До свидания.

Она кивнула, он повернулся, и вдвоем они двинули к лифтам — «путь наверх» здесь был только один, общий для всех.

В полном молчании, плечом к плечу, они подошли к раздвижным дверям и стали.

— Здравствуйте, Елена Сергеевна.

— Добрый день, Слава.

— Можно я к вам зайду после совещания? У меня вопрос.

— Да, конечно.

Слава стрельнул глазами в ее спутника, будто оценил, сделал странный жест, нечто среднее между кивком и поклоном, и отвернулся.

Хорошо, что половина сотрудников новенькие, подумала Лёка. Никто ничего помнить не может.

Хотя и помнить-то нечего!..

— Здравствуйте, Елена Сергеевна! — у нее за плечом негромко сказал тот, перед которым ей было так неловко, и она с изумлением обернулась и посмотрела.

— Мы же здоровались!

— Да мы уж и прощались.

Да. Это точно. Они уже попрощались.

Столько лет прошло, она даже не узнала его там, на улице! Впрочем, она сразу его узнала.

Лифты пришли, как водится, все одновременно, и в просторном хромированном пространстве,

увеличенном зеркалами и полировкой, она и он, конечно же, оказались вдвоем.

— Тебе какой?

— Шестой.

Он нажал две кнопки. Она не стала смотреть, какая вторая.

— Как ты живешь, Лёка?

Она улыбнулась храброй, независимой улыбкой.

— Я хорошо. А ты как живешь, Платон?..

Его звали Платон Легран, надо же такому быть!..

Была какая-то невразумительная история про петербургского дедушку-ресторатора, а может, и не дедушку вовсе, а прадедушку или прапрадедушку, оставившего в наследство такую фамилию. Платон никогда подробно не рассказывал, а то, что рассказывал, Лёка слушала вполуха, из вежливости.

Слишком много в последнее время развелось потомков дедушек-рестораторов, дедушек — великих князей, бабушек — балерин Мариинского театра, тетюшек-фрейлин и дядюшек-камергеров.

Все вранье!..

Камергеры, князья и балерины — которых не успели расстрелять — отбыли в Париж, а остальные сгнили на каторге и «вольных поселениях».

Потомок ресторатора посмотрел на нее, усмехнулся загадочно и пожал плечами — видимо, таким образом отвечал на ее вопрос о том, как он живет.

Лифт тренькнул, кабина дрогнула и остановилась.

Вот и поговорили.

— Ну... пока. Да?

— Кофе пить со мной не пойдешь?

Лёка засмеялась.

Если бы прошло триста лет — ну, даже с половиной, — она все равно узнала бы его по этому вопросу. Ни такта, ни деликатности, ни понимания, ничего!

— Не пойду, — сказала она и опять засмеялась, — а тебе что, делать нечего, среди бела дня кофе распивать с... — Она поискала слово, не сразу сообразив, как себя поименовать.

С бывшей любовницей? Со старой знакомой? С давней подругой?

— С тобой, — подсказал Платон Легран. Двери лифта бесшумно закрылись, и кабина опять поехала. — Я среди бела дня хочу распивать кофе с тобой. А что тут такого?

— Ничего, — проскрежетала Лёка. Он увез ее на другой этаж!.. — Нет, Платон, у меня дел полно, я и так опоздала!..

Лифт остановился.

— Ну, — спросил ее спутник весело, — теперь на первый двинем?

Лёка посмотрела на него почти с ненавистью.

Господи, она и забыла, какой он... противный. Самоуверенный, упрямый, привычно слушающий — и слышащий! — только себя.

— Точно не пойдешь?

Лифт опять дрогнул, и двери опять сошлись. Он наугад нажал какую-то кнопку, и они поехали.

— Слушай, — сказала Лёка, — я хочу выйти. Выпусти меня, пожалуйста.

— Высадка пассажиров осуществляется только на остановке. Вот сейчас будет остановка, и ты выйдешь.

И она вышла. Оказалось, он привез ее на шестой этаж, собственно, как раз туда, куда надо.

Она кивнула, очень раздраженная, — он знал эту ее манеру кивать, снизу вверх, когда она сердилась или была недовольна, — и, изо всех сил стараясь не коснуться его ничем — ни пальто, ни сумкой, — держась очень прямо, вышла из лифта и пошла по сверкающей плитке. Звук ее каблучков отдавался от мраморных стен.

...Почему стены мраморные?.. Как в гробнице или турецкой бане! Ну, на черта здесь мраморные стены?!

Платон знал ответ на этот вопрос: потому что в последнее десятилетие нефть была очень дорогая, вот и вся премудрость! Потому и стены мраморные, и полы мозаичные, и фонтаны на каждом этаже, и «Лексус» у любого мелкого деляги. И ПТУ поэтому же называется «колледж», библиотечный институт «университетом управления культурой», а любая барышня, пишущая в эсэм-эске «встретимся в понидельнек», именуется «психолог-консультант».

Еще есть барышни-дизайнеры, барышни — телевизионные ведущие, никогда невозможно узнать, что именно они ведут и, собственно, куда, — есть барышни-продюсеры, барышни-журналистки, барышни — бренд-менеджеры.

Только барышень-крестьянок не осталось ни одной, все повывелись!..

Не ко времени она попалась ему на глаза, его бывшая барышня-начальник!..

Ему нужно было в офис адвоката Астахова, и, неожиданно для себя приехав опять на первый этаж, Платон некоторое время соображал, на каком же этаже этот самый астаховский офис. Сообразив, он опять погрузился в лифт и поехал.

Охранники проводили его изумленными взорами. Мало кто в этом шикарном здании на Поварской просто так развлекал себя катанием на лифте вверх-вниз!.. Платон помахал им рукой — из вредности.

Они не сталкивались... сколько? Года три, наверное! А может, и больше. Впрочем, он всегда плохо помнил имена и даты, особенно такие, с которыми было связано что-то болезненное или неправильное.

Все, связанное с Лёкой, было болезненным и неправильным!

Не все, услужливо подсказала ядовитая и подлая память. Не все, не все!..

А третий четверг ноября? Молодое божоле? Ночь, дорога? Ничего такого ты не помнишь, конечно, но я-то точно знаю, как было, и ты можешь притворяться сколько угодно, лихачить, потряхивать гривой, приглашать ее на кофеек — гадость какая! — но я, твоя память, сейчас все тебе покажу! Хочешь?..

Он не хотел. Ей-богу, он не хотел, но было уже поздно.

Даже в этом слове — «божоле» — было что-то Лёкино, веселое, присущее только ей. По крайней мере, так ему когда-то казалось. Он не любил вино, и ничего в нем не понимал, и даже слегка гордился этим непониманием. В последнее время все до одного менеджеры средней руки, вчерашние выпускники все того же ПТУ, вдруг напропалую стали разбираться в винах, бриллиантах, марках одежды, в серфингах, дайвингах, флайфишингах, тест-драйвах, хорсингах, урожаях две тысячи пятого года, лакированных ботинках и «парфюмах с феромонами». Платон Легран пополнять собой легион разбирающихся и посвященных не желал решительно, а потому не разбирался и не посвящался.

Лёка его посвятила.

Нет, конечно, он слышал о том, что в третий четверг ноября следует пробовать молодое божоле, то есть красное вино нового урожая, и это вроде бы даже праздник там, где выращивают виноград и делают из него вино, то есть во Франции. К нему, Платону Леграну, этот праздник никакого отношения иметь не мог.

Он не выращивает виноград и не делает из него вино!..

— Ты что?! — сказала ему Лёка, когда он изложил ей все, что думает по поводу божоле, феромонов и лакированных ботинок. — Это же так здорово!

— Я не люблю красное вино. Ты же знаешь, я пью виски, и точка.

— Точка, точка, запятая, — пропела Лёка, подняла ему на лоб очки и быстро поцеловала

в губы. Она любила сделать что-нибудь неожиданное. — И твоя кривая рожа тут совершенно неуместна! И красное вино ни при чем!

— Как ни при чем, когда «божолё» — это и есть вино?!

— Третий четверг ноября, — торжественно объявила Лёка, — это предчувствие праздника, понимаешь? Это красные рождественские цветы, которые ставят на стол, чтобы праздник уже поскорее приходил! Это свечи, белая скатерть, горячее мясо и молодое вино в пузатом стакане! Это значит, что год на исходе и что времени осталось всего ничего, только доделать дела, подвести итоги, в последний раз собраться с мыслями перед Новым годом! Ты же не знаешь, что там, впереди! — И она длинно присвистнула. — За далью даль!..

— Ты что, — спросил Платон, прищурившись, — романтическая особа?..

— Сам ты романтическая особа, — сказала Лёка. — Мы немедленно едем в ресторан, ты оставляешь там машину, и мы надираемся красным вином. Согласен?

— Н-нет. У меня завтра с утра дела, и я не готов...

— Ты скучная, занудная, старая кляча, — объявила Лёка. Она знала, что он поедет и будет проделывать все, что ей хочется, так было всегда, и ей казалось глупым в этом сомневаться. — Ты даже не знаешь, от чего отказываешься!..

Он и вправду не знал.

По дороге она передумала и велела ему ехать в магазин, а не в ресторан, и он был ей за это благодарен.

Кажется, он даже думал тогда о том, как именно он благодарен, ядовитая колючка-память, впившаяся в сознание, проткнула насквозь твердую и надежную защитную оболочку, и те бывшие, позабытые, утратившиеся эмоции теперь вырывались наружу с тонким, протяжным, тоскливым свистом. Среди этих эмоций совершенно точно была благодарность.

Она не потащила его в ресторан, потому что знала: он ни за что не бросит в центре Москвы свою обожаемую машину, и не станет пить молодое божоле, и в ресторане у них не получится «предчувствия праздника»!..

Они поехали в магазин и купили там несколько темных бутылок, украшенных странными, непривычно яркими затейливыми этикетками — как на пластмассовых йогуртовых бутылочках. Должно быть, молодому божоле полагаются именно такие нелепые этикетки, кто его знает. Еще они купили мяса, сыра и, кажется, ореховый торт, так и оставшийся не востребованным.

Как-то моментально, в два счета, Лёка соорудила ужин: и свечи были, и пузатые бокалы, и они тянули это самое божоле, как воду, и Платон все пытался его нюхать, объявив ей, что точно знает — в вине должны быть букет, аромат, послевкусие и еще «нотки», как же без них!.. Должны быть «нотки» красной смородины, горького ириса, сладкой черешни и немного жгучего перца!

Ничего не вынюхивалось — ни перец, ни черешня, ничего!.. Должно быть, он и вправду не понимал в вине.

Потом в голове зашумело, как-то приятно, успокоительно, как будто теплый ветер подул с того самого французского виноградника, где разливали в бутылки молодое вино, и свечи загорелись особенно ярко, и сквозь теплый ветер в голове Платон подумал, что у него на самом деле никогда не было такого праздника, что это только Лёка и могла придумать!.. И еще он подумал, что дело вовсе не в божоле и не в том, что нынче третий четверг ноября, а в том, что им радостно и интересно вместе, как никогда не было поодиночке, и так теперь будет всегда!..

И так на самом деле было целую вечность — до самого апреля.

«Продолжать? — поинтересовалась ядовитая старуха-память. — Или хватит пока?..»

Третий четверг ноября!..

А еще на кофе пригласил и спрашивал, сделав специальный мужественный голос, пойдет ли она!..

Должно быть, память не только отравила сознание, но и что-то сделала с его лицом, потому что астаховская секретарша Маша, едва он вошел в офис, убралась от него за перегородку и оттуда тоненьким голоском спросила, чего Платон Алексеевич желает, чаю или кофе.

— Молодого божоле, — пробормотал Платон Алексеевич. — Ведро и половник. Взболтать, но не перемешивать.

— Простите, пожалуйста! Еще раз, пожалуйста!

Он никак не мог отделаться от мысли, что Лёка где-то рядом. Всего несколько стен, какое-то

количество мраморной плитки, мозаичных полов, пара фонтанов — и он ее увидит. Для этого ничего особенного не нужно, просто дойти до ее рабочего места. Он даже представил себе, как она выглядывает из-за стеклянной стены и какое у нее становится лицо.

За несколько прошедших лет они так ни разу и не встретились.

Странно — мы все время были в городе одним!..

Платон несколько раз заезжал к Павлу Астахову и каждый раз думал, увидит он Лёку или нет, и так ни разу и не увидел. А сегодня они столкнулись нос к носу.

Должно быть, оттого что ноябрь.

Лёка тоже думала про ноябрь и про то, что день начался неудачно, меньше всего на свете она хотела увидеть свою прошлую жизнь во всей красе! У «прошлой жизни» были очки, длинный нос, вечно скособоченный на сторону шарф, пристальный, даже какой-то прилипчивый взгляд, странная манера шутить, вечно грязная машина и нелепейший желтый портфель, всегда набитый бумагами.

Ужасный человек. Ужасный.

— Елена Сергеевна, генеральный просил зайти.

Лёка сделала над собой усилие, чтобы вернуться в реальность.

Ах да. Рабочий день. Сегодня совещание, от которого коллектив не ждет ничего хорошего, потому что всем было объявлено, что увольнения

начнутся еще до Нового года и продолжатся после. А как же иначе: в Штатах кризис ипотечного кредитования, поэтому у нас в офисе увольнения!.. Что непонятно?!

— Елена Сергеевна!

— Так, — сказала Лёка и провела рукой по лицу, словно стряхивая ненужное выражение, — значит, что? Совещание отменяется?

Помощница Даша — впрочем, у них в офисе в полном соответствии с велениями времени все помощники именовались ассистентами — округлила глаза, а заодно и губы, как будто собралась произнести букву «о».

— Ну, что-о-о вы, Елена Сергеевна! Совещание не отменяется. Партнеры уже приехали и ждут в зимнем саду. Но генеральный все равно просил вас зайти.

— Лучше бы ждали в Летнем саду.

— А?

— Даш, дайте мне кофе, только покрепче и прямо сейчас. Слава просил принять его после совещания, вы позвоните ему и скажите, что я пока не знаю, во сколько оно закончится. Если очень поздно, то лучше пусть зайдет завтра.

Даша помедлила, а потом сказала грустно:

— Он, наверное, боится, что его уволят. У него жену уже уволили, а они кредит взяли на квартиру...

Лёка кивнула. А что ей оставалось делать?.. Она понятия не имела, уволят Славу или нет. Она даже как следует не знала, чем этот самый Слава занимается.

— Елена Сергеевна, — Даша вдруг закрыла за собой дверь и придвинулась поближе к ее столу, Лёка посмотрела на нее, — скажите, нас всех уволят, да? Всех?

Эти разговоры в последнее время стали постоянными. Про увольнения говорили в курилке, в буфете, на лестнице, где собирался «дамский клуб» просто так, поболтать. Больше болтать было решительно негде, ибо стеклянные стены были повсюду, кроме сортиров.

Кто-то из американцев времен Великой депрессии пошутил печально, что спад — это когда увольняют соседа, а кризис — когда тебя самого. Всех соседей медленно, но верно увольняли, и, как приговоренный ждет падения гильотины на собственную беззащитную шею, так, затаившись, закрыв глаза и прижав уши, все ждали, когда очередь дойдет «до нас». Но надежда — самое живучее, что есть в человеке, — все-таки шептала упрямо: может, пронесет, может, обойдется, мы-то ведь другое дело, не то что наши соседи!..

— Елена Сергеевна, ведь если уволят, то я прямо не знаю, как жить!..

— Надеюсь, что не уволят, Даша. Или уволят, но не всех.

— А... меня, Елена Сергеевна?

Лёка рассердилась.

Она всегда сердилась, когда не знала, что ответить.

— Даша, я даже не знаю, не уволят ли меня!.. Правда. Как только узнаю, сразу скажу, я вам обещаю. Пока я работаю, вам ничего не угрожает.

Даша шмыгнула носом, кажется, собиралась зареветь.

— Правда?

— Дайте кофе, а?

Платон Легран говорил ей, что она не умеет выстраивать отношения с подчиненными. Он говорил, что подчиненные непременно садятся ей на шею и она не только делает за подчиненных всю работу, но еще разбирает их семейные проблемы, ссужает деньгами, рекомендует, в какую школу лучше всего определить детей, а заодно и решает за них контрольные работы, если тем приходит в голову фантазия пойти куда-нибудь учиться. При этом она сама же, как начальник, за эту учебу еще и платит, а потом дает прибавку к жалованью, ибо после учебы квалификация сотрудников необыкновенно повышается!..

Лёка очень на Платона злилась, кричала, что он считает ее полной дурой, и доказывала, что ничего такого она не делает, просто людям нужно помогать. Он никогда ее не слушал, безнадежно махал рукой, и диспут захлебывался.

Телефон зазвонил, и Лёка, даже не посмотрев, быстро сняла трубку, только чтобы не видеть Дашиной несчастной физиономии.

Звонил генеральный:

— Лен, ты чего не идешь?

— Куда?!

— Ко мне, — сказал генеральный, немного подумав, как будто не сразу сообразил, куда именно она должна идти. — А что такое? Я же твоей ассистентке сказал — срочно!

— Я иду, Андрей.

Лёка поднялась со стула, нашаривая в кармане пиджака мобильный телефон, который следовало бы выложить, иначе он непременно зазвонит в самый разгар совещания. Переключать его на режим вибрации Лёка не любила.

Во-первых, для этого следовало нажать десяток кнопок в строго определенном порядке, и к концу процедуры от нетерпения она всегда начинала рычать.

Во-вторых, Платона всегда очень развлекала эта самая «вибрация». Каких только шуток он про нее не отпускал!..

Ужасный человек.

— Даша, почему вы мне не сказали, что генеральный вызывал срочно?!

Даша опять округлила глаза и губы, словно намереваясь произнести букву «о».

— А-а-а... я... не поняла, Елена Сергеевна... он как-то так сказал... вернее, не он сказал, а его ассистентка...

Ну да, конечно. Ассистентка.

— Даша, иногда нужно слушать, что вам говорят. Особенно если говорит генеральный!..

— Я слушала...

Лёка наконец вытряхнула телефон, подхватила со стола записную книжку, бросилась к двери, вернулась и стала копаться в бумагах.

— Дайте мне хоть какую-нибудь ручку! Быстро!..

— Вот, Елена Сергеевна. Вот ручка!..

Лёка сунула ручку в карман, мимоходом подумав, что она непременно потечет и изгваздает пид-